

Дипломатия у Святых мест

Книга кандидата исторических наук, историка-востоковеда Михаила Ильича Якушева, о которой пойдет речь ниже, посвящена истории почти столетнего дипломатического присутствия России в Святых местах: со второй трети XIX почти до конца первой четверти XX столетия. Для современного российского читателя, даже хорошо знакомого с историей, это понятие едва ли ассоциируется с чем-либо, кроме средневековых Крестовых походов и непосредственной предыстории Крымской войны (1853—1856), для которой, как считается со времен появления фундаментальной работы Е. В. Тарле, вопрос о Святых местах являлся лишь предлогом для экспансии против Османской империи¹. Эпоха Крестовых походов не имеет отношения к дальнейшему разговору, а спор о Святых местах, развернувшийся в канун Крымской войны, — это сюжет, на котором стоит остановиться.

Уже в советский период начался процесс освоения почти безбрежного материала, имеющего отношение к проблеме статуса Святых мест и связанной с этим роли России и ее внешней политики в Сирии и Палестине. Шаг за шагом, по мере появления работ востоковедов (прежде всего М. Т. Панченковой²), а также историков внешней политики России (прежде всего

Якушев М. И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века. М.: Идрик, 2013. 536 с.

АУРОВ Олег Валентинович — ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований (РАНХиГС), доцент, кандидат исторических наук.

¹ См. Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. М., Л., 1941. С. 152—153.

² См., например: Панченкова М. Т. Политика Франции на Ближнем Востоке и сирийская экспансия 1860—1861 гг. М., 1966.

Н. С. Киняпиной³), сложнейшая проблематика, связанная с дипломатическими усилиями Петербурга в Палестине и Сирии в период османского владычества, переставала быть *terra incognita*.

Однако подлинный прорыв в этой области был совершен уже в постсоветский период с появлением работ К. А. Панченко и Н. Н. Лисового⁴. Причины этого прорыва связаны прежде всего с изменением места и роли Православной церкви в жизни постсоветского российского общества начиная с 1990-х годов, а также с активизацией российского присутствия в Святой земле.

К числу ее главных святынь относятся в первую очередь расположенные в Иерусалиме большой храм Гроба Господня, малый храм (кувуклия), Голгофа, Масличная гора, Гефсиманский сад, пещера гробницы Божьей Матери, Преторий, Вифагия, а также базилика и вертеп Рождества Христова (Вифлеем) и др. (см. С. 275). В более же широком смысле можно говорить о «православном Востоке» — понятии, которое, помимо собственно Палестины, включает также Сирию (так называемую «большую Сирию») в ее древних границах, святыни христианского Египта и даже еще более значительные пространства. Говоря о восприятии этого понятия на Руси с момента ее крещения, М. И. Якушев отмечает: «...Святая Земля начиналась для русских паломников с «Нового Рима» (Константинополя), или Царьграда. Далее их путь пролегал на святую гору Афон, в Анатолию (Малую Азию), Сирию, Палестину и временами в Египет» (С. 287).

На земле, где зародилось христианство, многое преисполнено сакрального смысла. Именно поэтому, начиная с эпохи Средневековья, за эту землю шла ожесточенная борьба. В VII веке в результате арабского завоевания Византия утратила власть над Святой землей. Позднее на смену арабам пришли западные крестоносцы (1099—1291), мамлюки (каста профессиональных воинов, из среды которых начиная с 1250 года происходили египетские султаны, 1291—1516) и, наконец, Османская империя — одно из величайших и могущественнейших в мировой истории государств. Пик ее политической и военной мощи пришелся на XVI—XVII века, когда владения османов простирались от Аравии до Венгрии, а ее войска стояли под Веной. Однако в XVIII веке в ходе войн с Австрией и Россией на западе и Ираном на востоке Османская империя стала слабеть, а в XIX веке она вступила в эпоху глубокого кризиса, попыткой выхода из которого стало проведение комплекса реформ по «европеизации» административной и военной систем, получивших в истории название «Танзимат»⁵ (1839—1876) и завершившихся принятием конституции.

³ См.: Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII — начало XIX века / Отв. ред. Н. С. Киняпина. М.: Наука, 1978; **Киняпина Н. С.** Внешняя политика России первой половины XIX в. М.: Наука, 1963.

⁴ См., например: **Панченко К. А.** Взаимоотношения Османского правительства и православной общины Арабского Востока в XVI — начале XX в. М., 1996; **Он же.** Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке (XVI — начало XX в.). М., 1998; **Лисовой Н. Н.** Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006.

⁵ Дословно — «упорядочение», «уложение».

Россия вступила в конфликт с Османской империей при царе Федоре Алексеевиче в ходе войны 1677—1681 годов, в правление Екатерины II вытеснила ее из Северного Причерноморья. Тогда же, по нормам Кучук-Кайнарджийского мира 1774 года, был впервые поставлен вопрос о праве России на покровительство христианским народам; стали даже поговаривать о воздвижении «креста над Святой Софией», то есть о перспективах полного разгрома Османской империи. Однако в реальности эта тема встала в политическую повестку дня несколькими десятилетиями позднее, после Русско-турецкой войны 1828—1829 годов, завершившейся Адрианопольским миром. Именно тогда был впервые поставлен вопрос о разделе некогда самого могучего из государств Евразии. Николай I (1825—1855) именовал Турцию не иначе, как «тяжело больным человеком», и после 1829 года все более активно вмешивался в ее внутренние дела.

Начиная с 1830-х годов эта политическая линия самым непосредственным образом отразилась и на ситуации в Святых местах. В Палестине и «большой Сирии» николаевская Россия стремилась выступать как Третий Рим — непосредственный преемник некогда разгромленной османами Византийской империи; а ее император на православном Востоке ощущал себя как наследник власти правителей исторической Византии, василевсов ромеев. Пик этой политики пришелся на период между 1830-ми годами и Крымской войной (1853—1856), начало которой было прямо связано с конфликтом за влияние в Святых местах (не случайно на Востоке эта война так и именовалась «война за Святые места»). Как известно, Россия потерпела в этой войне сокрушительное поражение, но не утратила своего статуса великой державы.

Более того, положения Парижского мира 1856 года (в целом достаточно тяжелые для Петербурга) в той их части, которая касалась присутствия Империи в Палестине и «большой Сирии», в полной мере сохранили значение русского фактора в регионе. В качестве преемника василевсов русские императоры продолжали выступать и далее. Следует напомнить, что «восточный вопрос», касавшийся отношений России с Турцией (и с великими державами по проблеме «османского наследства») и возникший во внешней политике нашей страны в XVIII веке⁶ сохранялся вплоть до Первой мировой войны. Лишь поражение в ней, исчезновение Российской, а вскоре — и Османской империй окончательно сняли с повестки дня вопрос о «кресте над Святой Софией». Юридическую черту истории покровительства России над Святыми местами подвел Московский договор 1921 года, заключенный Советской Россией с республиканской (кемалистской) Турцией.

Эти соображения и предопределили хронологические рамки (1830-е годы — начало XX века) исследования М. И. Якушева, которое, таким образом, сфокусировано на наиболее принципиальном (я бы даже сказал — драматическом) этапе истории внешней политики страны в том, что касается проблемы Святых мест. Выше приведено уже достаточно доводов для того, чтобы читатель понял, сколь весомые основания определяют обоснован-

⁶ См. Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII — начало XIX века.

ность указанных хронологических границ. То же можно сказать и о географических рамках исследования, в центре которого оказываются те части Палестины и «большой Сирии», православное население которых в означенный период составляло Иерусалимский и Антиохийский патриархаты. Уже в древности относившиеся (наряду с Александрийской, Константинопольской и Римской) к числу авторитетнейших христианских епархий, эти патриархии, центрами которых в исследуемый период являлись, соответственно, Иерусалим и Дамаск (в который патриаршая резиденция была перенесена в XIII веке, после разрушения древней Антиохии), и в XIX — начале XX столетия продолжали играть огромную роль на православном Востоке. Не случайно именно Иерусалим и Дамаск стали главным объектом политики Петербурга на православном Востоке. С этой точки зрения достаточно обоснованными представляются и географические рамки исследования М. И. Якушева.

Если же говорить об этом исследовании в контексте уже довольно обширного круга работ, посвященных политике России в отношении Святых мест, то здесь существенны не только хронологические и географические рамки, но и круг источников, задействованных ученым, — прежде всего архивных, число которых превышает пять с половиной сотен. М. И. Якушев досконально изучил соответствующие материалы Архива внешней политики Российской империи МИД РФ (Москва), а также Санкт-Петербургского главного архива. Речь идет о фондах соответствующих подразделений императорского МИД и Святейшего синода, не только прямо, но и косвенно связанных со сферой взаимоотношений чиновников Министерства (в первую очередь Азиатского департамента) и Синода с патриархиями не только Иерусалима и Константинополя, но и Константинополя со всесильным Фанаром (именно в этом стамбульском районе располагалась резиденция вселенского патриарха).

Этот впечатляющий корпус дополнен множеством опубликованных источников, в числе которых — сборники официальных документов Порты, мемуары, докладные записки и иные материалы, изложенные как на европейских (русском, английском, французском), так и на восточных (арабском и турецком (османском)) языках. В процессе работы с этими текстами в полной мере проявился высокий уровень профессиональной квалификации М. И. Якушева не только как историка, но и как лингвиста-востоковеда. Дополнительным свидетельством тому не в последнюю очередь являются обширные приложения (см. С. 399—471), содержащие не только карты и статистические таблицы, но и редкие документы, представленные в переводах с западных и восточных языков, ряд которых был переведен М. И. Якушевым. В числе таковых опубликованные в переводе с арабского манифест (маншур) Иерусалимского патриарха Иерофея, петиция (арида) того же патриарха, требования арабской общины к Иерусалимскому патриарху Дамиану (1909 год), грамота Антиохийского патриарха Мелетия Думани (см. С. 425—430, 435—436) и др.

В опоре на столь обширный круг источников, автор монографии создает впечатляющую картину событий, происходивших в исследуемый период на пространстве от Константинополя (Стамбула) до Египта. Ак-

цент делается на нескольких ключевых сюжетах. *Во-первых*, на институциональной структуре церковной организации православного Востока (Палестины и большой Сирии) в 1830—1900-х годах, социальной структуре православных общин этих регионов и их месте как в ряду других христианских сообществ (католиков, униатов, маронитов и др.), так и в общей массе населения (с учетом роли и места мусульманского большинства) (см. С. 47—157). В частности, тщательно, на основе значительного статистического материала анализируются социальные основы межконфессиональных отношений, которые (вопреки бытующим — главным образом в среде непрофессионалов — представлениям) отнюдь не носили однозначного характера, а отличались значительной сложностью. Причем в целом доля православного населения не только не сокращалась, но и росла, что указывает в целом на благоприятные условия его существования.

Во-вторых, много внимания уделяется истории межэтнических противоречий между греческим клиром (особенно архиереями) и арабской (в своей основной массе) паствой, что отличало как Иерусалимскую, так и Антиохийскую патриархии, главным образом начиная с последней трети XIX века (см. С. 161—229). Отмечается, что причины этих противоречий были неоднозначны; однако главной из них являлся рост этнического и национального самосознания, с одной стороны, греческого клира (особенно высшего), все более ощущавшего себя представителем «Королевства эллинов» со столицей в Афинах, с другой стороны — арабского большинства (в том числе низшего и среднего клира). Интересно, что в своей политике начиная с последней трети XIX века российские чиновники все более опирались на сирийских и палестинских православных арабов, видевших в России своего покровителя и заступника и в массе своей с воодушевлением воспринимавших идею, согласно которой российский император должен занять на православном Востоке то место, которое некогда занимал император ромеев.

Наконец, *третьим* содержательным акцентом исследования стала проблема собственно политики России в регионе (см. С. 233—380). М. И. Якушев выделяет разные этапы взаимодействия между российскими властями (включая императоров) и православными общинами Востока (прежде всего палестинскими и сирийскими архиереями). При этом (как уже говорилось выше) подчеркивается, что поражение в Крымской войне отнюдь не привело к устранению русского влияния в Сирии и Палестине. Наоборот, оно лишь усилилось; расширился и спектр средств соответствующей политики. Помимо активизации деятельности российских дипломатов, большую роль сыграло вновь основанное Императорское православное палестинское общество, следствием деятельности которого стало, в частности, формирование Русской духовной миссии в Иерусалиме, то есть стационарного присутствия не только русских дипломатов и паломников, но и клира, и монашества в Святой земле. Большую роль сыграли также различные формы экономической помощи палестинским и сирийским архиереям (включая материальное давление на них), которые анализируются автором очень детально с привлечением колоссального статистического материала.

Подводя итоги, следует сказать, что исследование М. И. Якушева несомненно будет высоко оценено специалистами — не только в области внешней политики и востоковедения, но и в сфере истории Русской церкви, русского православия в более широком смысле. Подчеркну, однако, что оно представляет большой интерес и для широкого читателя. Хочется надеяться, что эти заметки помогут найти путь к рецензируемой книге всем тем, кого интересуют исторические судьбы русского православия и кто несомненно оценит как богатство представленного в книге фактического материала, так и широту научных интересов ее автора. ◆